

РУКОВОДСТВО для СЕЛЯНСКИХъ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цена годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ пере- **№ 39.** редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с.~~~~~киевской семинаріи.

1870 года. Сентября 27-го.

Содержаніе: Слово въ день преставленія св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова — Русское проповѣдничество при Петрѣ 1-мъ. — О развитіи воли у дѣтей. — Обычай класть въ гробъ умершаго разные вещи.

СЛОВО

въ день преставленія св. апостола и евангелиста
Іоанна Богослова.

*Мы вѣримъ, яко преидохомъ отъ
смерти въ животъ, яко любимъ
братію (1 Іоан. 3, 14).*

Св. апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, коего память празднуетъ нынѣ св. Церковь, по истинѣ можетъ быть названъ и называется *ученикомъ и учителемъ любви*. Изъ всѣхъ ближайшихъ учениковъ Христовыхъ онъ пользовался особенною любовію божественнаго Учителя, почему и усвоено ему такое названіе: возлюбленный ученикъ Христовъ, *ученикъ, его же любяще Іисусъ*. Въ боговдохновенныхъ писаніяхъ своихъ онъ преимущественно занимается изложеніемъ ученія о любви Христовой. — Излагая это

ученіе, св. Апостолъ указываетъ такія свойства любви, которыя совершенно сокрыты отъ обыкновеннаго разумѣнія человѣческаго и которыя открыты были ему Духомъ Святымъ, какъ ближайшему наперстнику любви Іисусовой. Одно изъ такихъ свойствъ указывается въ приведенномъ нами его изреченіи. Мы любимъ братію, возвѣщаетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, и эта любовь удостовѣряетъ насъ, что мы свободны отъ смерти, что мы прешли отъ смерти въ животъ.

Какимъ же образомъ любовь къ братіи можетъ служить удостовѣреніемъ въ томъ, что мы прешли отъ смерти въ животъ? Эта благодатно-радостная истина какъ могла быть возвѣщена намъ только по внушенію Духа Святаго, такъ можетъ быть и понята нами только при свѣтѣ боговдохновеннаго писанія.

Прощаясь съ учениками Своими предъ смертію, въ послѣдней бесѣдѣ съ ними, Господь Іисусъ Христосъ говорилъ имъ: *сія заповѣдую вамъ, да любите другъ друга. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любви имите между собою.* Господь какъ бы одного желалъ и требовалъ отъ своихъ послѣдователей и одно имъ заповѣдывалъ, чтобы они имѣли любовь между собою: значить, любовь къ братіи есть главнѣйшая и существеннѣйшая добродѣтель христіанская. Св. апостолъ Павелъ учить: *любай друга зако ѿ исполни. Весь законъ въ единомъ словеси исполняется: возлюбихи искренняго твоего, яко самъ себя* (Римл. 13, 9; Гал. 5, 14). Значить, любовь къ братіи есть такая добродѣтель, которая предполагаетъ или собою обнимаетъ всѣ другія добродѣтели, какія только возможны для человѣка и требуются отъ христіанина; и значить, кто истинно любитъ братію, тотъ есть истинный послѣдователь Христа Спасителя, исполнившій весь законъ Его, и имѣетъ полное право на всѣ великія обѣтованія,

данныя христіанамъ. А между этими обѣтованіями главное— есть свобода отъ власти смерти: *еще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. 8, 21), говоритъ Господь.

Итакъ въ словѣ Божіемъ находится прямое свидѣтельство, на основаніи котораго исполняющіе законъ о любви къ ближнимъ могутъ и должны твердо вѣровать, что они свободны отъ власти смерти. Но въ разбираемомъ нами изреченіи возлюбленнаго ученика Христова есть иѣкоторая особенность, подающая новую мысль: онъ не говоритъ мы *вѣруемъ*, но говоритъ мы *вѣимъ*, мы знаемъ, *яко прейдохомъ отъ смерти въ животъ, яко любимъ братію*. Отсюда слѣдуетъ, что истинно любящіе братію не только вѣрою могутъ проразумѣвать, но и опытно познавать свою свободу отъ смерти. Какимъ же образомъ?

Кто истинно любитъ ближняго, въ томъ началась новая духовная жизнь о Христѣ, въ томъ дѣйствуютъ *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, подаваемая христіанамъ въ таинствахъ; ибо любовь къ ближнимъ есть плодъ духовной жизни: *плодъ духовный есть любви*, училъ св. апостоль Павелъ. Но преуспѣяніе духовной жизни и дѣйствіе благодатныхъ силъ въ человѣкѣ не могутъ быть непримѣтны и неизвѣстны для него. Благодатныя силы остаются непримѣтными въ человѣкѣ только тогда, когда онѣ не дѣйствуютъ, когда онѣ сокрушены и подавлены бываютъ противодѣйствующею имъ силою грѣха; точно такъ какъ и естественныя дарованія въ каждомъ человѣкѣ остаются непримѣтными только тогда, когда они, вслѣдствіе какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не получаютъ подлежащаго развитія и подавляются, глосуютъ. Когда же дѣйствуютъ въ человѣкѣ благодатныя силы, дѣйствіе ихъ онъ ясно сознаетъ и чувствуетъ самъ и для другихъ оно не можетъ быть непримѣтно. Другіе видятъ

въ немъ благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе. Самъ онъ чувствуетъ въ себѣ радость, миръ, упованіе, дерзновеніе; и эти вождельнныя чувства сливаются въ немъ въ одно общее чувство новой вѣчной жизни о Христѣ. Мы вѣруемъ, на основаніи свидѣтельства слова Божія, что эта жизнь вѣчна, не подлежитъ смерти, что смерть нашего тѣла не пресѣчетъ этой жизни и не остановитъ ея. Но праведникъ, въ которомъ дѣйствительно началась уже новая жизнь, знаетъ это опытно: самая жизнь его объ этомъ ему говорить. Соединившись пріискреннѣ съ Господомъ Иисусомъ Христомъ, онъ чувствуетъ, что видимая смерть не сильна расторгнуть этотъ союзъ: *кто ни разлучитъ отъ любви Божія? Известихся, яко ни смерть, ни животоу.* Умерщвляя въ себѣ заблаговременно всѣ плотскія похоти, воюющія на духъ, онъ встрѣчаетъ смерть не какъ врага, но какъ союзницу, которая поможетъ ему окончательно побѣдить грѣхъ, и смотритъ на смерть не какъ на несчастіе, а какъ на пріобрѣтеніе: *мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе есть.* Онъ не можетъ мало душно бѣгать смерти, напротивъ желаетъ ея: *желаю разрѣшиться и со Христомъ быти.*

Но любовь къ братіи есть добродѣтель, которая по видимому не рѣдка между людьми, особенно въ христіанскомъ обществѣ; а между тѣмъ и въ мірѣ христіанскомъ рѣдко встрѣчаются люди, которые съ полною увѣренностію могутъ сказать: *преодохоу отъ смерти въ животоу*, которые спокойно и съ радостію встрѣчали бы смерть, и, подобно апостолу Павлу, считали бы се пріобрѣтеніемъ. Это объясняется тѣмъ, что не всякъ тотъ истинно любитъ ближняго, кто такъ думаетъ о себѣ, или о комъ говорить такъ шны.

Вотъ человекъ, который не можетъ спокойно взирать на бѣдствія ближнихъ, который живо сочувствуетъ всякому горю, всякой бѣдѣ, который готовъ плакать со всякимъ

плачущимъ. ни счастію и успѣхамъ ближняго онъ не можетъ вполне сочувствовать, напротивъ, при видѣ особеннаго благополучія ближняго, въ немъ иногда является чувство зависти. Любитъ ли такой человѣкъ своего ближняго? Нѣтъ; онъ только чувствительный, а не любящій человѣкъ. Истинная любовь умѣетъ не только сочувствовать горю, но и сорадоваться счастію ближняго и совершенно исключаетъ всякое чувство зависти. Любовь не завидуетъ.

Вотъ другой человѣкъ, который никого не обижаетъ, строго исполняетъ свои общественныя обязанности и много добра дѣлаетъ ближнимъ; но онъ живо сознаетъ и ревниво охраняетъ свои достоинства и преимущества, которыя получилъ отъ природы или пріобрѣлъ въ обществѣ, онъ рѣзко отличаетъ себя отъ людей, стоящихъ ниже его; онъ не находитъ для себя интереса въ сближеніи съ людьми простыми; на нихъ онъ смотритъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ или презрѣніемъ. Вздумайте поровнять его съ этими людьми; вы нанесете ему тяжкую обиду... Что же сказать о такомъ человѣкѣ? Это честный, дѣятельный и полезный членъ общества; но онъ не любитъ по христіански своихъ ближнихъ. Истинная любовь смотритъ на всѣхъ одинаково, и послѣдняго несчастнаго человѣка она равняетъ съ собою и обходится съ нимъ такъ, какъ желала бы, чтобы съ нею обходились: любовь не превозносится и не гордится.

Вотъ еще человѣкъ, который правиломъ своей жизни поставилъ слова Апостола: *благотворенія и общенія не забываютъ*, который очень многимъ благодѣтельствуетъ, многихъ вдовъ призрѣлъ, многихъ сиротъ воспиталъ; но онъ дѣлаетъ добро тѣмъ людямъ, которые не имѣли никакого личнаго съ нимъ столкновенія и чѣмъ либо заслужили его благосклонное вниманіе. Людямъ же, которые враждебно сталкиваются съ его интересами, онъ не можетъ дѣлать добра. Если кто обижаетъ его словомъ или дѣломъ; онъ

предается гнѣву и мститъ за обиды. Любить ли такой человѣкъ своихъ ближнихъ? Вовсе нѣтъ. Истинная любовь любить не только друзей, но и враговъ; она вполне владѣть сердцемъ человѣческимъ, такъ что послѣднее никогда не можетъ предаваться противоположнымъ любви чувствамъ гнѣва и сачолюбія. Любовь не раздражается, не ищетъ своихъ сл, но вся терпитъ.

Итакъ, если рѣдко встрѣчаются между нами люди, вполне понимающіе и постигающіе дарованную намъ во Христѣ свободу отъ рабства смерти; то потому, что рѣдка между нами и истинная любовь, та любовь, которая вселяетъ въ сердца наши миръ и радость о Дусѣ Святѣ, дерзновеніе и упованіе, которая вонъ изгоняетъ изъ сердца нашего всякій страхъ, а въ томъ числѣ и страхъ смерти. А рѣдка такая любовь между нами, потому что она не можетъ быть пріобрѣтена нашими собственными усиліями, но даруется намъ отъ Бога: *любы отъ Бога и изливаются въ сердца наши Духомъ Святымъ.*

Замѣтимъ, братіе, что какъ ни трудно снискать эту любовь и какъ ни рѣдка она между нами; но возможность снискать ее мы все имѣемъ, ибо мы все получаемъ дары Святаго Духа въ таинствахъ. Постараемся же воспользоваться этими дарами. Ужели мы не желаемъ освободиться отъ страха смерти, столь пагубно и болѣзненно дѣйствующаго на насъ? Если же желаемъ, то научимся, по руководству слова Божія и святой Церкви, истинно любить ближнихъ. Тогда не будетъ для насъ смерть страшна; тогда мы можемъ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ, коего память празднуемъ нынѣ, необинуясь сказать: *вѣми, яко прендохомъ отъ смерти въ животъ, яко любимъ братію. Аминь.*

Священникъ Александръ Промаковскій.

РУССКОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ПРИ ПЕТРѢ I-мъ ¹⁾.

Проповѣди митрополита Стефана Яворскаго и св. Димитрія Ростовскаго, будучи сходны съ старинными южно-русскими проповѣдями по своему построению, источникамъ и изложенію, отличаются отъ своихъ первообразовъ болѣе живымъ и близкимъ отношеніемъ къ современности. Читая проповѣди м. Стефана и св. Димитрія, мы можемъ понять, что онѣ писаны въ тревожную эпоху Петра I, можемъ видѣть, что восхваляли и что осуждали проповѣдники, можемъ отчасти воскресить въ своемъ сознаніи тогдашнюю дѣятельность русскаго правительства и нравственную жизнь русскаго общества.

Имѣющія отношеніе къ тогдашней современности, проповѣди м. Стефана носятъ по преимуществу характеръ *панегирическій*; а проповѣди св. Димитрія — характеръ *обличительный*. Это весьма естественно. М. Стефанъ былъ первенствующимъ русскимъ іерархомъ, — мѣстооблюстителемъ патріаршаго престола, былъ близокъ къ государю и имѣлъ такъ сказать официальную обязанность говорить торжественныя проповѣди по случаю объявленія войны, побѣды, открытія государственной измѣны и при другихъ важныхъ для государства событіяхъ. Естественно, что будучи близокъ къ государю и говоря проповѣди нерѣдко въ присутствіи Петра, м. Стефанъ долженъ былъ излагать проповѣдуемые событія по возможности въ благопріятнѣйшемъ для правительства и слѣд. въ панегирическомъ духѣ. Совсѣмъ иное было положеніе св. Димитрія. Живя вдали отъ двора царскаго, среди грубой паствы, неученыхъ священниковъ, закоренѣлыхъ раскольниковъ, св. Димитрій не могъ не обличать въ своихъ пасомыхъ уклоненія отъ высокихъ требованій христіанскаго идеала. Неблагопріятно относился св.

¹⁾ См. № 37—й.

Димитрій и ко многимъ явленіямъ жизни, вызываемымъ Петровскою реформою. Подобное же недовольство духомъ Петровскаго времени раздѣлялъ отчасти и м. Стефанъ, и иногда осторожно высказывалъ это недовольство въ немногихъ проповѣдяхъ, которыхъ конечно нельзя отнести къ разряду панегирическихъ.

Въ *панегирическихъ* проповѣдяхъ м. Стефана можно различать слѣдующія благопріятныя для правительства положенія: а) о важности и святости царской власти и грѣховности неповиновенія ей, б) о высокихъ личныхъ качествахъ Петра Великаго, в) о блескѣ его внѣшнихъ дѣлъ и благотворности внутреннихъ реформъ.

а) О необходимости покоряться царской власти нужно было проповѣдывать потому, что самодержавная царская власть служила источникомъ всѣхъ реформъ Петровской эпохи, а между тѣмъ эти реформы были крайне тяжелы для народа, и польза ихъ для большинства была нисколько не очевидна. Бунты при Петрѣ были явленіемъ обычнымъ; они имѣли свое оправданіе въ тягости навязываемыхъ народу новыхъ формъ жизни; говорить противъ народнаго недовольства можно было только во имя того убѣжденія, что волѣ царя противиться—*грѣхъ*. Это убѣжденіе и старался раскрыть въ своихъ проповѣдяхъ м. Стефанъ. Въ одной проповѣди сравнивая Петра I съ библейскимъ праотцемъ Ноемъ, м. Стефанъ говоритъ: »мы, слышателие, что воздамы своему Ноеви за толикое къ намъ благодѣяніе? Воздамы то единое, о чемъ читаемъ въ библии о Ноѣ и о флотъ его корабельномъ. *Внидша въ корабль Ноевъ всякіе зепріе по роду, двое и двое.* Были тамъ рыкающіе львы, были двіе леопарды, были медвѣди рыкающіе, волки хищные, собаки угрызливый и прочіи дикіи звѣріе: то дивна

вещь, что ни одинъ отъ сихъ лютыхъ звѣрей на Ноя не гинулся:.... левъ предъ Ноемъ, что овча незлобивое; медвѣдь такожде ни маленько воркнуть не дерзаетъ, волкъ тихимъ и незлобивымъ стался агнцемъ... А о васъ что возглаголю, мятежницы, бунтовщики проклятые, паче собакъ лютѣйшіе? Идите за мною, заведу васъ въ корабль Ноевъ;... идите, глаголю, въ корабль Ноевъ, аки въ школу нѣкую, и тамо отъ звѣрей безсловесныхъ учитесь мудрости... Како васъ нареку, мятежницы! Нареклъ быхъ васъ звѣряни, но недостойни есте того имени; не имате бо сицевыя добродѣтели, якоже имутъ звѣріе Ноеви въ ковчези. Держить насъ Ное російскій въ корабли своемъ, въ царствіи своемъ, поить, кормить, одѣваетъ и всякими довольствами рачительствуетъ. А хотя бъ иногда и скудость какая была и нужда, довольетъ то едино, что Богъ такъ хотѣлъ и жестоко завѣщалъ, да бысте были подъ началомъ у Ноя своего, его единого знали за начальника, отъ Бога даннаго, ему всячески покорялися и повиновалися». Затѣмъ проповѣдникъ приводитъ общеизвѣстные тексты о необходимости поборенія власти, перечисляетъ примѣры пагубныхъ послѣдствій бунта въ лицѣ сатаны, Даана и Авирона, Іуды, Авессалома и т. д., и жестоко бранить русскихъ бунтовщиковъ, называя ихъ сынами дьявольскими, іудами, рожденіемъ ехиднинымъ и т. д. ¹⁾).

б) Въ личности Петра I-го были привлекательныя стороны, которыя могли мирить народъ съ его крутыми мѣропріятіями. На эти привлекательныя стороны не преминулъ указать въ своихъ проповѣдяхъ м. Стефанъ Яворскій. На день рожденія государя проповѣдникъ между прочимъ говоритъ: »Бываютъ многіе такіе, которые себѣ родятся: иной уродится дармоѣдъ, напрасно хлѣбъ портитъ, напрасно мѣсто

¹⁾ Рубин. кiev. дух. акад. № 7, л. 104—106.

упражняетъ; пользы отъ него никакой; ни Богу свѣча, ни людямъ щипка; ни его на войну, ни его въ поселство, ни его въ приказъ; куда клинь, туда клинь, бо родился Климъ. А о монархѣ нашемъ, нынѣшнемъ рожденнику, что возглаголемъ? Се благовѣствую вамъ радость велю, яко родися вамъ спасъ. Вамъ родися, а не себѣ. А каково его спасеніе? Видѣсте очи наши спасеніе его. О веліе то спасеніе земнаго спаса нашего¹⁾! Въ личности Петра I-го всего болѣе выдавались необыкновенная многосторонняя даровитость и воспріимлемость и неустанное, ко всему прилагаемое, трудолюбіе. На эти стороны личности Петра I-го всего болѣе обращалъ вниманіе и проповѣдникъ. Вотъ похвала даровитости Петра. «Великъ есть (Петръ) остроуміемъ и мудростію. Христу Спасителю нашему удивляхуся іудее: *како сей въсть книги не учився?* Тако и о монархѣ нашемъ глаголати можно: *како сей въсть книги не учився?* Все житіе свое въ воинскихъ дѣлахъ изнуряетъ, еще отрокомъ будучи, строити крѣпости и тыя добывать, строити корабли и на тѣхъже воднымъ бранемъ поучатися, полки строити, пушечными громами тѣшитися—то его бывало воинское игралище. Въ мужа совершенна пришедши, вси видимъ, яко вся его утѣха, вся мысль, вся упражненія—воинство устроить. Книги читать, кромѣ чтенія церковнаго, нѣтъ на то времени²⁾. Откуда убо сей въсть книги не учився? Вопросы его въ чемъ нибудь отъ писаній божественныхъ, дастъ отвѣтъ изрядный: правила соборовъ вселенскихъ: оныя тое панзустъ умѣетъ. Дай ему какую ни

¹⁾ Непзд. проп. м. Стефана въ Хр. Чт. 1867 г. № 7, стр. 111.

²⁾ Проповѣдникъ опустилъ изъ виду, что Петръ 1-й ежедневно по нѣскольку часовъ въ день отдѣлялъ на чтеніе книгъ и газетъ (курантовъ). Тѣмъ не менѣе, при отсутствіи систематическаго образованія, многознаніе Петра представляется все-таки чрезвычайно изумительнымъ.

будь матерію философскую, такъ изрядно о ней станеть глаголати, будго истинный ученикъ самого философа, начальника Платона. Дай ему какую-либо матерію богословскую, такъ изрядно о ней станеть провѣщевати, будго истинный ученикъ Григорія Богослова. Математика, арифметика, геометрія, космографія у него наизусть. *Како убо сѣй вѣсть книги не учився?* Но не дивитесь сему. Вся сія Духъ во своемъ помазанникѣ дѣйствуетъ¹⁾.

Трудолюбіе и неустанная дѣятельность Петра, соединенныя съ простотою дѣловаго человѣка, заботящагося только о дѣлѣ, а не объ этикетѣ, также по достоинству были восхвалены м. Стефаномъ. Въ одной проповѣди проповѣдникъ изображаетъ добродѣтели государя, сравнивая, хотя довольно натянуто, его жизнь съ жизнію Спасителя. »Петръ нашъ російскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толкія тяжести, толкія работы, рабомъ прикладнымъ, на себѣ носитъ. А титула какія? Въ титуламъ пресвѣтлымъ царскимъ сердца не прилагаетъ, но простыми воинскими титулами, ово солдатомъ, ово поручикомъ, ово майоромъ, ово капитаномъ велитъ себе нарицать... Христосъ ходилъ путемъ непрестанной чрезъ все житіе волокити, изъ неба на землю, изъ Виллесеа въ Египетъ, и т. д. Тѣмъ же путемъ безпрестанной волокити умѣетъ гораздо за Христомъ шествовати и Петръ нашъ російскій. Аще бы пришло исчисляти, сколь много верстъ перешелъ, отиѣлеже началъ царствовать, не стало бы и арифметики, и числа цифирнаго.—Христосъ ходилъ путемъ воднымъ, множицею по водамъ шествуящи. А нашему Петру російскому шумъ водный, что едина утѣха, шумы волнующагося моря—едина сладба мусика.—Сами видѣхомъ и ужасахомся, зрѣюще

³⁾ Неизд. проп. м. Стефаца въ Хр. Чт. 1867. № 7, стр. 114—115.

оныя страшныя водныя горы, погрязновеніемъ претяжія: онъ же, посмѣвающіися нашему малодушію, безбоязненъ пребываше.... Христосъ ходилъ овогда путемъ воинскимъ. Помните, что въ евангеліи глаголетъ: *не приидохъ воуверити миръ, но мечъ*. Тѣмъ же путемъ воинскимъ, како шествуетъ Петръ нашъ російскій, видитъ и удивляется вся вселенная. И есть поистинѣ чему удивлятися, — такой охотѣ воинской и великодушію. Ибо въ арміи, въ полкахъ, на бранѣхъ быти не всякому монарху обычно.... Леопольдъ цезарь никогда на войнѣ не бывалъ: такожде рещи и о прочихъ. Нашъ монархъ инако. Самъ на войнѣ, самъ въ полкахъ и армен, самъ и царь и вождь и генераль: самъ же и солдатъ и воинъ. Свидѣтелемъ есть шляпа его, на главѣ царской пулею произзенная¹⁾.

Простоту дѣловаго человѣка въ Петрѣ 1-мъ м. Стефанъ восхваляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »паче всѣхъ насъ смиряешия и забывши себя міродержца быти, дивное смиреніе и ко всѣмъ снисходительство и преклонность имѣеши. Никимъ же не гнушаешия, всякаго, кто проситъ и требуетъ посѣщаеши, убогіе хатки не презираеши, царскихъ своихъ неоцѣненныхъ порфиръ и вѣнцевъ никогдаже употребляеши, толикая дальняя разстоянія подлыми поѣздами самъ трудишия; воинская дѣла, аки единъ отъ воиновъ управляеши, дѣломъ работнымъ скиптроносныя руцѣ своя труждаеши, и прочими неизчетными трудами, рабомъ твоимъ приличнымъ, здравія себѣ умаляеши«²⁾.

Еще въ одной проповѣди м. Стефанъ такъ изображаетъ неустанную, многосторонне направленную дѣятельность государя: »Смотрите, баково его прилежаніе въ наученіи воинскаго чина. Самъ сущи монархъ, аки единъ отъ солдатъ,

¹⁾ Неизд. пр. м. Стефана въ Хр. Чт. 1867. № 7, стр. 122—124. ²⁾ Неизд. проп. м. Стефана въ Хр. Чт. 1867. № 7, стр. 126.

всѣ воинскія и наименьшія степени переходилъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри, какъ мудрое и промысленное попеченіе о собраніи воинства, о собраніи денегъ, безъ нихъ же воинству быти нѣсть мощно. Смотри на корабли, галеры, флоты, которые его промысломъ и руководѣніемъ построены. Смотри прилежно на его руководѣіе, чимъ упражняется. Монархъ сый, яко единъ отъ работниковъ.—дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя руководѣльства: сами по рукамъ его царскимъ мозоли свидѣтельствуютъ» ¹⁾).

Восхваляя государя, проповѣдникъ не забылъ упомянуть и о его высококомъ ростѣ. »Станетъ между нами, яко солнце между звѣздами, яко кедръ ливанскій между деревьями, яко орелъ между птицами, не только властію и почестію, но и возрастомъ честнѣйшій. Кто бы не зналъ его быти царемъ, отъ самаго благолѣпнаго возраста можетъ познавати» ²⁾).—Для характеристики Петра любопытны особенно тѣ мѣста въ проповѣдяхъ м. Стефана, гдѣ проповѣдникъ приводитъ подлинныя слова изъ своихъ личныхъ бесѣдъ съ государемъ.

в) О блескѣ внѣшнихъ дѣлъ Петра В. не совсѣмъ удобно было говорить проповѣднику. Внѣшнія дѣла Петра состояли почти исключительно въ войнахъ съ Швеціею и Турціею. Служитель религіи любви и мира естественно былъ поставленъ въ ложное положеніе, когда ему приходилось восхвалять войну, хотя бы и удачную. Поэтому м. Стефанъ восхваляетъ военные успѣхи большею частію метафорами, напр. подъ образомъ жатвы, подъ образомъ грызенія орѣховъ и т. д. На первую метафору указываетъ самое заглавіе одной викторіальной проповѣди: *жатва торжествен-*

¹⁾ Невзл. проп. м. Стефана. Хр. Чт. 1867. № 7, стр. 118.

²⁾ Невзл. проп. м. Стефана. Хр. Чт. 1867. № 7, стр. 113.

ная, мечными серпами російскихъ побѣдоносцевъ, на марсовыхъ ливонскихъ поляхъ въ самое жамвенное время т. е. въ мѣсяцъ іуліи и августъ 1704 г.,—егда преславніи города Нарва и Дерптъ крѣпкого російскаго воинства рукою пламени быша,—собрана и проч¹⁾. Ко второй метафорѣ подало поводъ названіе завоеванной крѣпости: Орѣшекъ. »О Орѣшекъ претвердый! восклицаетъ проповѣдникъ, »добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый Орѣшекъ«²⁾. Не смотря на желаніе съ помощію аллегоріи—такъ сказать—обходить изображаемый предметъ, м. Стефанъ въ вѣкторіальныхъ проповѣдяхъ вдавался въ неумѣстныя для христ. пастыря сужденія. Такъ въ одной проповѣди м. Стефанъ говоритъ, что »если кровь непріятелей, мечемъ русскихъ воиновъ изліянная, имѣла подобно Авелевой—свой гласъ, то она возгласала бы безсмертную славу побѣдителямъ«³⁾. Такъ во многихъ проповѣдяхъ м. Стефанъ жестоко бранитъ короля шведскаго, называя его напр. мерзкимъ вѣремъ и т. п.⁴⁾. Болѣе удобный для проповѣдничества предметъ представился м. Стефану въ 1711 г. по поводу турецкой войны, которой могъ бытъ приданъ религіозный характеръ. »Боже мой! нищъ и убогъ есмь азъ, недостойный архіерей«, взывалъ м. Стефанъ съ церковной кафедрѣ, »а готовъ есмь не пощадити до послѣдней денежки на толикое богоугодное дѣло. Сребро мое и злато буди ми въ погибель, аще бы его мнилъ щадиги на избаву и освобожденіе гроба Христова, идѣже неогнѣнное спасеніе моего сокровище быше сокровенно«⁵⁾.

Доступный также для панегирика предметъ нашель м. Стефанъ въ изображеніи трудовъ и подвиговъ побѣдоносныхъ

¹⁾ Непзд. пр. м. Стефана въ рукоп. кievской дух. акад. № 7, л. 25 и слѣд. ²⁾ Проп. м. Стефана. III, 169. ³⁾ Проп. м. Стефана. I, 75. ⁴⁾ Непзд. проп. м. Стефана. Хр. Чт. 1867. № 3, 428. ⁵⁾ Непзд. проп. м. Стефана. Хр. Чт. 1867. № 7, 119.

русскихъ солдатъ, житіе которыхъ при Петрѣ-со введеніемъ регулярнаго устройства арміи—было дѣйствительно тягостное и многобѣдственное. »Воинская школа, разсуждаетъ м. Стефанъ, »едина токмо горестъ, меду тамъ не найдешь; едина только полынь.—Есть въ другихъ чинахъ многотрудство и бѣдство немалое. Но вся сія далече отстоятъ отъ трудовъ, отъ бѣдства и горести воинскія Доводовъ на сіе не много подобѣ. Само видится явственно, что земледѣльцы, художники и иныхъ чиновъ люди всякимъ образомъ уклоняются и бѣгаютъ службы воинскія. Лучше мнится своею работою хлѣбъ ясти, нежели сухарями воинскими зубы ломати. И хотя то они творять отъ дурачества, но довлѣетъ то, что великую горестъ ощущають въ житіи воинскомъ, и лучше мнится нѣкимъ дуракамъ быти разбойниками, нежели воинами.—Что наши духовные артикулы, что наши монастырскія правила противъ правецъ воинскихъ? Перо легкое противъ тяжкаго камене. Согрешилъ старецъ, то его на цѣпь, либо въ поварню посуду чистити, либо подъ началь дрова рубить и черную работу дѣлать. Въ артикулахъ воинскихъ наказанія съ нещаднымъ біеніемъ, съ кровію, съ безчестіемъ и шельмованіемъ, съ утратою имѣнія и жалованья, а наипаче съ утратою житія» Въ другой проповѣди: »гдѣ наипаче живетъ недостатокъ, гдѣ живетъ алба и жажда? Въ полкахъ она живетъ, въ полкахъ она имѣетъ свое сѣдалище. Добро въ дому, въ жары нынѣшнія, напиться чего холоднаго со льду, либо со льдомъ. Въ полкахъ тое не живетъ. Что Богъ далъ, часомъ съ квасомъ, порою съ водою, лишь бы только и тое было, а все тепло, мерзко и въ губу взяти. А упокоеніе какое, Богъ то вѣдасть. Подушка—земля, одѣвало—небо, а комары—пѣвчи, которые припѣвають, чтобъ гораздо спати, а съ тѣмъ всею смерть за плечима« ¹⁾.

¹⁾ Извѣд. проп. м. Стефана. Хр. Чт. 1867. № 7, стр. 110. 123.

Побѣды надъ врагами—для м. Стефана представляются слѣдствіемъ трудовой жизни русскихъ воиновъ. »Ваши труды и подвиги«, говорилъ Стефанъ, обращаясь къ воинамъ, »родиша намъ упокоеніе; ваши алчбы и жажды родиша намъ пированія« и т. д. »Что вы нареку, прехрабрѣ подвижники?« говорилъ м. Стефанъ въ другой проповѣди о павшихъ на брани воинахъ. »Нареку вы звѣздою утреннею и денницею. Родисте намъ день пресвѣтлый, день торжественный, но тѣмъ рожденіемъ, яко денница, угасосте. Что вы нареку, неустрашенніи поборники? Нареку вы облаками. Источисте бо и излисте кровные дожди, на благоплодіе, на триумфальную жатву, а сами, яко облацы водоточниі, растаясте. А наипаче нареку вы, добліи страдальцы, зернами, въ землю посѣянными, которіи, еще не умрутъ, не могутъ плода сотворити; еще ли умрутъ, плодъ многъ сотворять, по неложному словеси Господню... Сорадуйтесе, умерщвленная зерна, въ житницахъ уже небесныхъ душами водворяющаяся«, и пр. ¹⁾).

Въ пользу внутреннихъ реформъ Петра Великаго мы находимъ мало панегирическихъ отзывовъ въ проповѣдяхъ м. Стефана Яворскаго. Это объясняется тѣмъ, что а) въ первое десятилѣтіе XVIII в., когда особенно процвѣтала проповѣдническая дѣятельность м. Стефана, Петръ, озабоченный шведскою войною, мало занимался внутренними реформами; б) а тѣ реформы, какія успѣвали совершать Петръ, мало пользовались сочувствіемъ м. Стефана, слѣд. мало представляли пищи для его панегирическихъ отзывовъ. Довольно обширный панегирикъ м. Стефанъ произнесъ въ похвалу новой столицы С.-Петербурга. Не малая часть этого панегирика посвящена восхваленію водной стихіи, которая, будтобы преимуще-

¹⁾ Непзд. проп. м. Стефана въ ркп. кievской дух. акад. № 7, л. 59.

ственно любима Богомъ. Кромѣ того достоинство приморскаго положенія города подтверждается географическими примѣрами. «Возрите умными очами на всѣ четыре страны свѣта», говоритъ проповѣдникъ, — «Азію, Америку, Африку, Европу, — а наипаче на Азію и Европу. Въ Азіи надъ моремъ грады Константинополь, Галата, Адрианоуполь, Фессалоники или Селунь, Александрія, и пр. А какъ богаты пристани ради корабельной и непрестанныхъ товаровъ и купли пребогатой, и какъ богатятъ свое государство спросите тѣхъ, которіи тамъ бывали. Въ Европѣ на морскихъ пристаняхъ грады: Амстердамъ, Лондинъ, Гданскъ, Венеція, Франкфуртъ, и прочіи безчисленни. А какія въ нихъ богатства, а какія красоты и диковинки, а все ради корабельной пристани и товаровъ, чуть не со всѣхъ государствъ бываемыхъ, — пошлѣти мощно, исповѣсти иѣсть мощно. Тѣмъ же намѣреніемъ, слышательіе, Богу споспѣшествующу, и сего царскаго града С. Петербурха на семъ мѣстѣ основаніе положено при водахъ на приморіи, ради тріехъ наипаче винъ: 1) для увеселенія живущихъ, 2) для крѣпости, 3) для корысти и прибыли — великой всему государству, которой отъ Бога, всѣхъ благъ Дателя, чаемъ несумнѣнно¹⁾. Возвращаясь къ тому же предмету въ другой проповѣди, м. Стефанъ говоритъ: »сей одинъ градъ, всѣ убыли, въ военное время бываемыя, кораблями и пристанью своею въ краткое время можетъ навестати. А что твои караваны въ китайское государство? Бездѣлица то естъ. Весь караванъ насплу съ однимъ кораблемъ сравниться можетъ²⁾. Есть также двѣ обширныя, но неособенно изобразительныя проповѣди м. Стефана *о похвалу флота и арміи*. Объ остальныхъ же реформахъ Петра М. Стефанъ упоминаетъ только *иноходомъ*.

¹⁾ Рукоп. кіевск. акад. № 7, л. 97—98. ²⁾ Ibid. № 7,

О РАЗВИТІИ ВОЛИ У ДѢТЕЙ ¹⁾.

Чтобы наказанія влекли за собою благотворныя нравственно-практическія послѣдствія, они должны быть не произвольными дѣйствіями взрослыхъ, а *естественными послѣдствіями самыхъ дѣйствій дѣтей*. Когда напримѣръ дитя разбросало свои игрушки, или играя насорило на полу, родители или другіе, ухаживающіе за нимъ, взрослые прибираютъ брошенные имъ игрушки, подметають комнату, вообще уничтожаютъ произведенный имъ беспорядокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бранятъ и даже бьютъ дитя. Когда мальчикъ, обращаясь небрежно съ своимъ перочиннымъ ножичкомъ, изломалъ его, или рѣзвясь безпорядочно порвалъ свое платье, отецъ бранитъ или бьетъ его за это, но потомъ покупаетъ ему новый ножичекъ и новое платье. Подобнымъ образомъ родители поступаютъ при всѣхъ дурныхъ и неосмотрительныхъ поступкахъ дѣтей. Въ домахъ, гдѣ есть дѣти, постоянно слышатся крики взрослыхъ: зачѣмъ ты порвалъ то, изломалъ это, потерялъ то и т. п., перѣдко сопровождаемые тѣлесными наказаніями. Во всѣхъ этихъ случаяхъ существуетъ такого рода странность: родители принимаютъ на себя тѣ вредныя послѣдствія дурныхъ поступковъ, которыя, по естественному ходу вещей, должны бы падать на самихъ маленькихъ преступниковъ, а на послѣднихъ налагаютъ наказанія искусственныя, не имѣющія никакой прямой и естественной связи съ проступками. Искусственныя наказанія являются въ глазахъ дѣтей произвольными и несправедливыми и потому ожесточаютъ ихъ, не исправляя. Между тѣмъ если бы въ видѣ наказаній падали на дѣтей вредныя послѣдствія, естественно вытекающія изъ ихъ дурныхъ поступковъ, дѣти ясно видѣли бы причинную связь между дурнымъ поступкомъ и вреднымъ послѣд-

¹⁾ См. № 38—й.

ствіемъ. Вслѣдствіе того наказаніе представлялось бы имъ безусловно-справедливымъ и, кромѣ временнаго непріятнаго чувства, неизбѣжно слѣдующаго за всякимъ лишеніемъ не оставляло бы въ нихъ никакого ожесточенія, напротивъ возбуждало бы бодрость духа и приучало бы ихъ къ практической порядочности въ жизни. Дитя не собрало своихъ разбросанныхъ игрушекъ, на слѣдующій разъ нужно дать имъ послѣ игры, а при повтореніи того же въ другой разъ, совсѣмъ лишить его игрушекъ на нѣкоторое время. Дитя играя произвело беспорядокъ въ комнатѣ, нужно заставить его самого привести вещи въ порядокъ, а при упорствѣ лишить его возможности играть въ другой разъ въ комнатѣ, не смотря ни на какой его плачь и крикъ. Подобныя наказанія и безусловно-справедливы, и совершенно понятны для дитяти, какъ естественныя слѣдствія его же дурнаго поведенія, и являются въ такую минуту, когда они всего сильнѣе ощущаются, какъ непосредственныя лишенія удовольствій. Кромѣ того неоднократно повтореніе подобныхъ случаевъ внушаетъ дитяти то высоко-практическое правило, что всякое удовольствіе въ жизни можетъ быть куплено только трудомъ, аккуратностью и добропорядочнымъ поведеніемъ.

Но самая главная выгода, вытекающая изъ подобныхъ естественныхъ наказаній, состоитъ въ томъ, что при нихъ нисколько не страдаетъ та дружественная связь, та естественная любовь между родителями и дѣтьми, которая установлена самой природой и которая одна только служитъ гарантіею для благотворнаго вліянія родителей на дѣтей. Если когда въ дитяти явилось враждебное чувство къ родителямъ, тотчасъ же теряется и нравственное вліяніе на него родителей: дитя только боится родителей, но уже не уважаетъ ихъ, не имѣетъ къ нимъ довѣрія и не слушается ихъ наставленій. А враждебное чувство къ родителямъ всего легче является въ дѣ-

тяхъ подѣ вліяніемъ искусственныхъ и произвольныхъ наказаній. Когда родители сами налагаютъ на дѣтей придуманныя наказанія, вмѣсто того, чтобы дать имъ испытать наказанія, естественно вытекающія изъ дурнаго поведенія ихъ, они являются дѣтямъ карающею ихъ силою. Вслѣдствіе того дѣти привыкаютъ смотрѣть на своихъ родителей не какъ на источникъ любви, какъ того требуетъ сама природа, а какъ на олицетвореніе грозной карающей силы. Они смотрятъ на свои проступки, какъ на личное оскорбленіе родителей, а на наказанія, какъ на выраженіе личнаго гнѣва родителей. Вмѣсто любви въ нихъ является страхъ предъ родителями; они пріучаются смотрѣть на родителей, какъ на враждебную силу, которая мучитъ ихъ и съ которой нужно по возможности бороться, и дѣйствительно начинаютъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы обмануть и усыпить эту силу и выйти изъ подѣ ея грознаго вліянія. Привыкнувъ постоянно видѣть, что наказанія суть не что иное, какъ проявленіе гнѣва родителей, дѣти теряютъ понятіе о безусловно дурномъ поведеніи и пріобрѣтаютъ понятіе о поведеніи, оскорбляющемъ и раздражающемъ людей, власть имѣющихъ. Такимъ образомъ дѣти съ малолѣтства привыкаютъ къ мысли о томъ, что не слѣдуетъ дѣлать не того, *что дурно само по себѣ*, а того, что хотя и представляется хорошимъ само по себѣ, но *не нравится людямъ сильнымъ и властію облеченнымъ*. Описываемыя нами произвольныя наказанія дѣтей сильно портятъ и нравъ самихъ родителей. Являясь дѣтямъ карающею силою и считая каждый проступокъ дѣтей за причину къ гнѣву на нихъ, съ своей стороны, родители постоянно раздражаются на дѣтей, постоянно находятся въ гнѣвномъ расположеніи. Раздраженіе это еще усиливается отъ того, что родители принимаютъ на себя, въ видѣ лишняго труда или издержекъ, тѣ вредныя послѣдствія, которыя должны бы пасть на самаго преступ-

ника. Вслѣдствіе всего этого родители нерѣдко смотрятъ на дѣтей какъ на несчастіе, а дѣти, съ своей стороны, относятся къ родителямъ съ равнодушіемъ, а иногда и съ ненавистью. Очевидно, такія отношенія между родителями и дѣтьми совершенно неестественны.

Всѣ эти тяжелыя послѣдствія искусственныхъ наказаній легко устраняются, если родители, руководствуясь въ воспитаніи дѣтей тѣмъ самымъ закономъ равновѣсія между дѣйствіями и послѣдствіями, который господствуетъ во всей практической жизни человѣка, при каждомъ проступкѣ дитяти будутъ давать ему чувствовать тѣ вредныя послѣдствія, которыя естественно вытекаютъ изъ его дурнаго поведенія. Во-первыхъ родители не будутъ находиться въ состояніи постоянного раздраженія противъ дѣтей. Напротивъ они будутъ совершенно спокойно предоставлять дѣтямъ испытывать на самихъ себѣ вредныя послѣдствія своего дурнаго поведенія. Въ этомъ случаѣ карающей силой является самый естественный ходъ вещей, неотразимый и неизмѣнный въ своихъ дѣйствіяхъ, а не частная, произвольно дѣйствующая личность. Полное спокойствіе родителей здѣсь безусловно необходимо, чтобы не подать дѣтямъ ни малѣйшаго повода думать, что наказаніе зависитъ отъ произвола разгнѣванныхъ родителей. Но неудовольствія на худой поступокъ ребенка не нужно скрывать, напротивъ нужно давать его чувствовать дѣтямъ, какъ естественное послѣдствіе ихъ дурнаго поведенія, какъ неизбежное отраженіе такого поведенія на окружающихъ людяхъ. Только неудовольствіе это не должно выражаться въ бурныхъ порывахъ гнѣва; оно не должно *замѣнять* собою естественныя наказанія, вытекающія изъ самыхъ дурныхъ поступковъ дѣтей, а только должно *поддерживать* эти наказанія. Сверхъ того оно не должно быть слишкомъ продолжительнымъ, потому что долгое отчужденіе дѣтей можетъ пріучить ихъ обходиться безъ любви

и ласки родительской и чрезъ это можетъ подорвать вліяніе родителей на дѣтей. Но еще хуже, если родители быстро пересказываютъ отъ гнѣва къ ласкамъ, если они бранятъ и прощаютъ дѣтей, почти не переводя духа. — Во-вторыхъ дѣти, будучи наказываемы естественными послѣдствіями своихъ поступковъ, не могутъ ненаходить ихъ вполне справедливыми и притомъ *неизбѣжными*, вслѣдствіе чего въ наказаніяхъ они находятъ неотразимо-побудительную причину исправиться, не дѣлать впередъ тѣхъ дурныхъ поступковъ, отъ примыхъ послѣдствій которыхъ они не разъ уже страдали. Далѣе, такъ какъ дѣти ясно видятъ, что наказанія не зависятъ отъ личнаго произвола родителей, а составляютъ неизбѣжныя послѣдствія ихъ собственныхъ дурныхъ дѣйствій, то въ нихъ не образуется никакого враждебнаго чувства къ родителямъ. Даже напротивъ довѣріе и любовь ихъ къ родителямъ послѣ такихъ наказаній усиливаются, такъ какъ родители предостерегали ихъ, чтобы они не дѣлали такого-то дурнаго поступка, потому что изъ него произойдетъ такое-то вредное послѣдствіе, и они теперь собственнымъ опытомъ дознали справедливость словъ родительскихъ. Такимъ путемъ дѣти приучаются къ тому разумному послушанію, которое побуждаетъ человѣка исполнять одно и не дѣлать другого не изъ рабскаго страха предъ высшимъ лицомъ и не изъ льстивой угодливости ему, но изъ полнаго, основаннаго на опытѣ, довѣрія къ его справедливости и добротѣ.

Во вѣншемъ мірѣ дитя, какъ мы сказали выше, прежде всего сталкивается съ предметами неорганическими, неодушевленными, и долгое время его желанія и дѣйствія ограничиваются почти исключительно кругомъ этихъ предметовъ. Изъ человѣческаго общества въ это время имѣютъ къ нему непосредственное отношеніе главнымъ образомъ родители и вообще люди близкіе. Въ это-то время въ немъ

и должно образоваться убѣжденіе, что каждый безразсудный поступокъ, каждое его дѣйствіе, причипяющее вредъ вѣшнымъ предметамъ, всегда неизбѣжно влечетъ за собою вредныя послѣдствія и для него самого. Затѣмъ дитя мало по малу вступаетъ въ общество сверстниковъ. Для него начинается общественная жизнь; оно входитъ въ столкновѣнія съ людьми, которыя несравненно сложнѣе, разнообразнѣе и запутаннѣе столкновѣній съ неодушевленными предметами. Если прежде образовалось въ немъ указанное выше убѣжденіе, то дитя перенесетъ его съ предметовъ неорганическаго міра и на свои отношенія къ сверстникамъ. Въ силу этого убѣжденія оно будетъ остерегаться дѣлать вредъ сверстникамъ, и такимъ образомъ правило: не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь, сдѣлается основаніемъ всей нравственно-практической его дѣятельности. Какъ прежде при столкновѣніяхъ дитяти съ предметами неодушевленными, такъ и здѣсь, при столкновѣніяхъ его съ обществомъ сверстниковъ, родители не должны непосредственно вмѣшиваться въ дѣйствія дитяти, не должны своимъ личнымъ произволомъ замѣнять для него естественныя послѣдствія его дѣйствій. По естественной живости своей природы дѣти легко ссорятся и легко мирятся. Но если они привыкли къ постоянному вмѣшательству родителей въ ихъ дѣйствія, то при своихъ ссорахъ постоянно обращаются съ жалобами къ родителямъ. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ родителямъ и слѣдуетъ быть крайне осторожными, потому что вмѣшательство взрослыхъ въ ссоры дѣтей большею частію оканчивается тѣмъ, что одна сторона получаетъ перевѣсъ надъ другою и такимъ образомъ нарушается справедливость и теряется равновѣсіе между противными сторонами, отъ чего обыкновенная дѣтская ссора нерѣдко переходитъ во вражду. Всего лучше, если дѣти съ малолѣтства не приучены постоянно обращаться къ личному вмѣшательству родителей,

если напротивъ они привыкли находить и награду и наказаніе за свое поведеніе въ естественныхъ послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Впрочемъ невмѣшательство родителей въ дѣйствія дѣтей не должно доходить до крайности, до равнодушія. Во всякомъ случаѣ дѣти должны привыкнуть видѣть въ родителяхъ высшую законную власть, олицетвореніе верховной идеи справедливости. Но чтобы въ дѣтяхъ образовалось такое понятіе о власти родителей, послѣдніе всегда должны быть вполне справедливы и безпристрастны къ дѣтямъ. Всякая жалоба дѣтей должна быть изслѣдуема обстоятельно и рѣшаема безпристрастно. Если дитя сдѣлало зло своему товарищу и въ свою очередь отъ него испытало равносильное зло, то въ подобныхъ случаяхъ, которыхъ бываетъ большинство при ссорахъ и жалобахъ дѣтей, жалоба дитяти на товарища не должна быть уважаема. Напротивъ ему должно быть внушено, что каждый вредъ, причиненный товарищу, непременно отзовется вредно и на самомъ обидчикѣ. Подобное внушеніе будетъ принято дитятей какъ вполне справедливое, если предыдущее воспитаніе вкоренило въ немъ понятіе о томъ, что всякій дурной поступокъ неизбѣжно влечетъ за собою вредныя послѣдствія. Кромѣ того, если дитя съ малолѣтства привыкло цѣнить неудовольствіе родителей какъ естественное отраженіе его дурныхъ поступковъ, то это понятіе о значеніи неудовольствія близкихъ людей оно перенесетъ и на общество сверстниковъ, и вслѣдствіе того будетъ избѣгать такихъ поступковъ, которые могутъ возбудить неудовольствіе товарищей. Такимъ образомъ въ дитяти съ самой ранней поры жизни послѣдовательно будетъ развиваться доброе качество воли, и оно вступитъ въ общественную жизнь съ искреннимъ желаніемъ быть справедливымъ и добрымъ по отношенію ко всемъ людямъ и съ твердымъ убѣжденіемъ, что каждый дурной поступокъ его неизбѣжно повлечетъ за собою вредъ.

ныя послѣдствія и для него самаго. Впрочемъ возможно, что и самое лучшее дитя подѣ влияніемъ минутнаго гнѣва и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ можетъ сдѣлать зло своему товарищу. Въ такомъ случаѣ нужно строго и неуклонно настоять на справедливомъ возмѣщеніи, которое должно состоять какъ въ нравственномъ удовлетвореніи обиженнаго, т. е. въ испрошеніи у него прощенія, такъ и въ равномѣрномъ вознагражденіи матеріальнаго вреда, если онъ былъ сдѣланъ обиженному. Первое даже важнѣе послѣдняго. Многіе богатые родители дѣлають большую ошибку, снѣша деньгами вознаградить обиженнаго ихъ сыномъ и опуская изъ виду необходимость нравственнаго удовлетворенія. Такой образъ дѣйствій приучаетъ дитя презрительно относиться къ правамъ и нравственному достоинству людей не богатыхъ и не высоко стоящихъ въ обществѣ, приучаетъ его къ той пагубной мысли, будто богатый человѣкъ можетъ деньгами покрыть всякій свой дурной поступокъ по отношенію къ людямъ бѣднымъ. Такимъ путемъ развивается въ дитяти высокомѣріе по отношенію къ низшимъ и униженіе предъ высшими. Пѣтъ, чтобы дитя съ малолѣтства приучалось въ каждомъ человѣкѣ видѣть ближняго и брата и равно уважать права и нравственное достоинство каждаго человѣка, необходимо при всякой обидѣ, нанесенной имъ товарищу, кромѣ матеріальнаго вознагражденія, давать ему чувствовать въ видѣ испрошенія прощенья и нравственное униженіе, равномѣрное нанесенной имъ товарищу обидѣ. Да и самое матеріальное вознагражденіе должно производиться изъ средствъ самаго обидчика. Родитель не долженъ брать на себя ни вознагражденія обиженнаго, ни обязанности наказать обидчика. Онъ долженъ быть только справедливымъ судьей и предоставить обидчику на самомъ себѣ воплотить испытать непріятныя послѣдствія его дурнаго поступка. Важнѣе же всего, чтобы родители во всѣхъ подобныхъ слу-

чаяхъ удерживались отъ сильныхъ выраженій своего личнаго гнѣва на дѣтей. Настаивая на полномъ возмѣщеніи сдѣланнаго дѣтьми зла, они однакожъ должны дѣйствовать такъ, чтобы наказаніе являлось въ глазахъ дѣтей не произвольнымъ распоряженіемъ родителей, а естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ самыхъ поступковъ дѣтей. Они даже должны сочувствовать дѣтямъ, поставленнымъ своими дурными поступками въ непріятное положеніе, должны сострадать имъ. Такимъ образомъ родители, будучи совершенно безпристрастными и справедливыми къ дѣтямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ ихъ нѣжнѣйшими друзьями, въ чемъ и состоитъ совершенство воспитателей.

Наконецъ, если въ предыдущіе періоды развитія дитяти, въ немъ надлежащимъ образомъ было развиваемо религіозное чувство ¹⁾, то теперь, когда дитя вступило въ общество сверстниковъ, его нравственное воспитаніе должно быть поставлено въ тѣснѣйшую связь съ религіознымъ развитіемъ и въ послѣднемъ должно находить для себя могущественную опору. При разнообразныхъ столкновеніяхъ дитяти съ сверстниками, какъ дружественныхъ, такъ и враждебныхъ, ему постоянно должно быть внушаемо, что предъ Богомъ открыты не только дѣйствія, но и всѣ наши мысли и сокровенныя желанія. Привыкнувши видѣть въ Богѣ любвеобильное Существо, верховный Источникъ благодати, любви и справедливости, дитя будетъ остерегаться оскорблять Его своими злыми дѣйствіями. Такимъ образомъ, хотя съ дальнѣйшимъ возрастомъ дитяти, надзоръ за нимъ родителей и вліяніе ихъ на него будутъ постепенно ослабѣвать, однако добрыя качества воли, развитыя въ немъ первоначальнымъ воспитаніемъ, сохранятся, такъ какъ на мѣсто дружественнаго вліянія родителей въ немъ возникнетъ благоговѣніе къ верховному Источнику любви и справедливости.

¹⁾ О развитіи религіознаго чувства см. № № 1, 2 и 4.

ОБЫЧАЙ КЛАСТЬ ВЪ ГРОБЪ УМЕРШАГО РАЗНЫЯ ВЕЩИ.

Во многихъ мѣстностяхъ широкой Россіи между простолюдинами есть обычай, при погребеніи, во гробъ покойнаго класть разныя вещи: деньги, шапки, любимые предметы умершаго, напр. различные инструменты, книги и т. под. Какъ смотрѣть на этотъ обычай? Есть ли основаніе терпѣть его, или необходимо противоудѣйствовать такому обычаю и стараться искоренять его въ народѣ?

Въ священномъ писаніи ветхаго завѣта говорится, что Иосифъ велѣлъ лицамъ, занимающимся погребеніемъ мертвыхъ, приготовить умершаго отца своего къ погребенію благовонными ароматами и погребальнымъ одѣяніемъ,—*повелѣть Иосифъ рабомъ своимъ погребателямъ погребсти¹⁾ отца своего: и погребоша погребатели Израилля* (Быт. 50, 2). Тоже говорится и о погребеніи самаго Иосифа (Быт. 50, 26). Въ новомъ завѣтѣ евангелистъ Іоаннъ говоритъ (19, 39. 40) о погребеніи Господа нашего Иисуса Христа: *прииде же и Никодимъ пришедый ко Иисусови пощюю прежде, нося смѣшеніе смъртнено и алойно яко мѣтръ сто. Пріяста же тѣло Иисусово, и обвиста е ризами со ароматы, якоже обычай есть іудеомъ погребати* (Снес. Матѳ. 26, 12. 27, 59. Марк. 16, 1. 15, 46. Лук. 23, 53). Эти непререкаемыя свидѣтельства говорятъ, что какъ іудеи еще до рождества Христова, такъ и христіане съ первыхъ вѣковъ христіанства заботились и доселѣ заботятся о приличномъ погребеніи умершихъ, именно: обмывали тѣло умершаго, покрывали его одеждами и потомъ погребали.

¹⁾ Здѣсь употребленъ еврейскій глаголъ חָנַף (ханать), который значитъ собственно набользамировывать, т. е. помазывать благовонными ароматами и покрывать особенною одеждою тѣло умершаго человека

Но есть свидѣтельства, что въ древности кромѣ одеждъ, покрывавшихъ мертвеца, полагались въ гробы умершихъ и нѣкоторые другіе предметы. »Въ стѣнахъ долгихъ Оракіи обрѣтенъ (780 г. по Р Хр.) каменный ковчегъ, въ немъ же лежаше мужъ съ сицевымъ *надписаніемъ*: Христосъ родится отъ Дѣвы Маріи. Вѣрую въ Него. Во время же Константина и Ирины, о солнце пакы мя узриши. Пророкъ сей бѣ нѣкій еще прежде Христа, иже толь далече Духомъ Святымъ видяше«, замѣчаетъ свидѣтельствующій объ этомъ фактъ Бароній ¹⁾. Въ Патерикѣ печерскомъ ²⁾ разсказывается слѣдующее обстоятельство. Когда князь Симонъ просилъ у преподобнаго Θεодосія печерскаго письменное благословеніе яко же въ животѣ, тако и по смерти, то преподобный принужденъ былъ, любви его ради, написать слова молитвы іерейскія прощальныя. Эту молитву Симонъ *застычалъ положить себѣ* по смерти *въ руку* вмѣстѣ съ нимъ во гробъ. Она дѣйствительно была положена, и съ тѣхъ поръ разрѣшительную молитву начали давать въ руки умершимъ, какъ видимое свидѣтельство о томъ, что умершій христіанинъ находится въ общеніи съ Церковію и что за него ходатайствуетъ у престола Божія святая Церковь и ея служители. Въ прологѣ ³⁾ повѣствуется о слѣдующемъ событіи: Когда язычникъ Евагрій принялъ христіанскую вѣру, то спустя годъ онъ далъ епископу Синесію довольно количество денегъ и сказалъ: »раздай это нищимъ и напиши мнѣ свое-ручно на бумагѣ, что за эти деньги, розданныя нищимъ, воздастъ мнѣ Господь въ будущемъ вѣкѣ«. Что сказалъ

¹⁾ Бар. въ слав. перев. л. 874-й обор. и 875. Пророкъ ли былъ этотъ мужъ, или христіанинъ, какъ нѣкоторые доказываютъ, для насъ это не важно; для нашего предмета важно то, что уже въ VIII вѣкѣ найденъ человекъ, лежавшій во гробѣ съ *надписаніемъ*. ²⁾ Патер. Печерск. изд. 1779 г. въ типографіи кіевонеч. лавры лист. 59. ³⁾ Прологъ. Мѣс. апрѣль. 11-й день.

Евагрій, то все исполнилъ епископъ въ точности. Поживъ послѣ крещенія нѣсколько лѣтъ, Евагрій впалъ въ тяжкую болѣзнь. Будучи при смерти и подавая дѣтямъ своиъ данную ему прежде епископомъ бумагу, сказалъ: »когда я умру, вложите ее въ мою руку и съ ней заройте меня въ могилу«. Дѣти такъ и сдѣлали. Спустя три дня послѣ погребенія умершій явился ночью во снѣ епископу и говорить: »ступай на могилу мою, разрой ее и возьми рукопись свою изъ гроба моего; я получилъ отъ Бога весь свой долгъ, то есть, простилъ Господь всѣ мои грѣхи, ввелъ меня въ царство небесное за тѣ деньги, за ту милостыню, какую я, давъ тебѣ при жизни своей, просилъ тебя раздать нищимъ. Въ увѣреніе сего я написалъ тебѣ рукою своею и письмо«. Епископъ, послѣ видѣнія сего, проснувшись и не зная, что писаніе его погребли съ Евагріемъ, призвалъ дѣтей его и спросилъ—что положили они во гробъ съ отцемъ? Тѣ отвѣчали: кромѣ одной бумаги, какую велѣлъ намъ положить отецъ, по своей смерти, въ руку его, ничего не клали. Тогда епископъ рассказалъ имъ видѣнный въ ту ночь сонъ и, взявъ съ собою ихъ, причтъ и множество благородныхъ гражданъ, пошелъ съ ними на могилу Евагрія. Открывши гробъ, они дѣйствительно нашли въ рукѣ умершаго Евагрія вновь написанное письмо слѣдующаго содержания: »Я Евагрій прошу тебя, преподобный епископъ, радоваться. Взялъ я долгъ, который, по писанію, дается Христу и который ты, раздавая за меня нищимъ, въ лицѣ ихъ вручилъ отъ меня самому Спасителю«. По прочтеніи сего, всѣ въ удивленіи прославили Бога, творящаго столь великія чудеса.—Въ требникѣ нашей святой православной Церкви о погребеніи священниковъ ¹⁾ говорится: »Егда кто отъ мірскихъ священниковъ отидеть ко

¹⁾ Послѣдованіе мертвенное надъ скончавшимся священникомъ.

Господу, приходятъ три священники...., одѣваютъ его обычными его одеждами, потомъ же во всю священническую одежду: и покрываютъ лице его воздухомъ, и полагаютъ святое евангеліе надъ нимъ», въ знаменіе того, что усопшій былъ проповѣдникомъ и учителемъ евангельскаго ученія. Священный обычай, соблюдаемый у насъ возлагать святое евангеліе на перси умершаго епископа ведетъ свое начало отъ временъ апостольскихъ. По свидѣтельству священномученика Дрося, епископа Тирскаго, святой апостоль Варнава предъ страданіемъ завѣщалъ св. апостолу и евангелисту Марку положить на перси свои евангеліе святаго евангелиста Матѳея ¹⁾, и это евангеліе дѣйствительно на персяхъ св. Варнавы зарыто въ землѣ. Спустя много времени (въ V вѣкѣ ²⁾ св. апостоль Варнава явился во снѣ епископу Анеиму и указалъ ему мѣсто, гдѣ и обрѣтены мощи сего святаго апостола съ евангеліемъ отъ Матѳея ³⁾. Всякому изъ насъ извѣстно, что у насъ всѣмъ умершимъ, положеннымъ во гробъ, влагаютъ въ руки крестъ и на головѣ кладутъ вѣнчикъ въ знакъ того, что умершій есть истинный христіанинъ, вѣровавшій въ распятаго Господа, воскреснетъ и явится на судъ Божій со святымъ крестомъ — знаменіемъ побѣды надъ адомъ и смертію, совершенной Бого-человѣкомъ.

Поименованные предметы, съ давнихъ временъ полагавшіеся во гробъ и имѣющіе глубокое значеніе, эти предметы не только можно, но и должно полагать въ гробы усопшихъ. Но другіе предметы, выражающіе вѣру усопшаго въ загробную жизнь, его любовь къ Богу, его надежду на милосердіе Божіе, ра но и тѣ вещи, которыя, въ воспоминаніи

¹⁾ Четьи-Миней іюня 11-го. О служ. и чинопол. грекоросс. церкв. стр. 140. ²⁾ Чтен. въ моск. обществѣ любит. дух. просвѣщ. 1867 г. примѣчанія на стр. 20 и 21. ³⁾ Бароній, л. 650-й обор.

наніе какихъ либо событій въ жизни, умершій всегда имѣлъ при себѣ и съ которыми онъ не желалъ бы разстаться и по смерти, такіе и подобные предметы, по нашему понятію, могутъ быть полагаемы въ гробъ, если того хотѣлъ умершій и желаютъ его ближніе, и если притомъ совершается это безъ всякаго суевѣрія, предразсудка и пр. Если бы, напримѣръ, въ знакъ супружеской вѣрности и любви, умершій мужъ или умершая жена, при жизни своей послали на груди своей медальонъ—мужъ любимой вѣрной супруги а жена—супруга своего, или на рукѣ кольцо, и не желали разстаться съ этою вещію, не только по гробъ, но и за гробомъ; то отъ чего не положить эти вещи во гробъ съ умершимъ или умершею? Отъ чего не положить во гробъ св. икону, предъ которою покойникъ любилъ возносить свои молитвы къ Богу, или сваящ. книгу, изъ которой онъ получалъ законъ Господню, если онъ, умирая, желалъ этого и просилъ исполнить его желаніе?—Но часто у людей простыхъ въ основаніи обычая класть въ гробы покойниковъ вещи лежатъ грубое суевѣріе и пагубный предразсудокъ. Кладутъ напр. въ гробъ книгу на томъ основаніи, что душенька покойника и на томъ свѣтѣ, когда соскучится, будетъ читать ее. Или ставятъ во гробъ сосудъ съ наниткомъ потому, что покойничекъ любилъ употреблять его при жизни; кладутъ во гробъ покойника инструментъ, чтобы было чѣмъ душенькѣ его позаняться, когда будетъ скучно; чаще всего кладутъ деньги, которыя покойнику, думаютъ, пригодятся на томъ свѣтѣ.

Какъ смотрѣть на такой обычай—класть въ гробы умершихъ разныя вещи изъ побужденій очевидно суевѣрныхъ? Откуда онъ ведетъ свое начало? Въ мѣсяцъ августъ минувшаго года, въ бирючскомъ уѣздѣ воронежской губерніи крестьяне наши въ землѣ скелетъ похороненнаго человѣка, судя по размѣру костей, роста значительно больше обык-

повенпаго, возлѣ котораго съ правой стороны лежала кольчуга; въ рукѣ клинокъ меча или шпаги, на черепѣ шлемъ, на грудныхъ костяхъ, ниже шейныхъ ключицъ, съ обѣихъ сторонъ лежали въ ободочкахъ двѣ золотыя монеты или медали; ободочки отъ прикосновенія воздуха тотчасъ разсыпались; въ рукахъ остались одиѣ золотыя монеты съ изображеніемъ лица, державы съ крестомъ, съ латинскою на оборотной сторонѣ монеты надпись и восьмиконечнымъ на пирамидѣ крестомъ; кромѣ того около поясицы скелета найдены шесть золотыхъ и пятнадцать серебряныхъ и другаго металла разныхъ вещей и кусковъ, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ пояса. Императорская археологическая коммисія признала, что кольчуга, шлемъ, двѣ золотыя монеты и другія разныя мелкія золотыя и серебряныя украшенія—византійскаго происхожденія и относятся къ VIII вѣку; монеты чеканены: одна при императрицѣ Артемін-Анастасіи (713–716 г.), а другая при Львѣ IV (774—780 г.) ¹⁾. Приведемъ еще древнѣйшій случай. Въ 1847 году близъ селенія Медара въ Вандеѣ открыта могила галлоримлянки художницы, по монетамъ въ ней найденнымъ относимая къ IV вѣку ²⁾. Кругомъ гроба стояли желѣзные ящики и вазы изъ бѣлаго и голубаго стекла съ египетской синей краской и тердесьномъ, и базальтовая четырехугольная плита ³⁾. Эти и многіе другіе факты ясно говорятъ, что обычай класть во гробы и ставить подлѣ гробовъ умершихъ разныя вещи есть обычай, сохранившійся до нашего времени отъ глубокой древности. Появился ли этотъ обычай въ христіанствѣ, или же онъ существовалъ еще до введенія христіанской вѣры гораздо прежде? Въ 590 году, по рождествѣ Христовѣ,

¹⁾ Изъ Воронеж. Телегр. въ С. От. 1870 г. № 58-й.

²⁾ Illustration, 1850 № 370. ³⁾ Душеспод. Чт. 1869 г. ч. 2. стр. 50.

монахъ Іустъ по сребролюбію хранилъ у себя три златницы, вопреки правилу монашескому. Когда онъ умеръ, то святой Григорій двословъ велѣлъ сего инока своего монастыря «въ гной закопати, и пѣвизы оныя съ нимъ вавреши, и братіи надъ гробомъ гласити: пѣвизы твои да будутъ съ тобою въ погибель» ¹⁾. Всѣ были необыкновенно тронуты этимъ. Такимъ образомъ погребеніе человѣка съ деньгами, по древнему христіанскому убѣжденію, служило истиннымъ наказаніемъ за сребролюбіе, а не необходимою принадлежностію для будущей загробной жизни человѣка. Хотя этотъ фактъ относится къ жизни монастырской, тѣмъ не менѣе по нему можно заключить, что обычай класть въ гробъ покойника разныя вещи, и особенно деньги, не имѣетъ основанія въ истинахъ христіанскихъ, сообщившихъ издревле правильное понятіе о загробной жизни человѣка, а долженъ имѣть другой источникъ.

Гдѣ же источникъ, изъ котораго почерпастъ свое начало обычай класть разныя вещи и особенно дѣньги въ гробы покойниковъ? Этотъ обычай имѣетъ свое основаніе въ язычествѣ, которое не могло сообщить истиннаго понятія о загробной жизни человѣка. Извѣстно изъ языческой мифологіи ²⁾ древнихъ египтянъ и грековъ, что у нихъ въ числѣ адскихъ боговъ былъ *Харонъ*, адскій *перевозчикъ*, постоянно стоявшій въ ужасающемъ видѣ при одной изъ адскихъ рѣкъ, чрезъ которую онъ перевозилъ на лодкѣ умершія души въ мѣсто, называвшееся *мѣстомъ жилищъ умершихъ*. Души умершихъ спѣшили къ этой адской рѣкѣ и толпами стекались при ней, желая понасть въ жилище, опредѣленное для нихъ и огражденное адскими рѣками. Но *Харонъ перевозилъ не всехъ безъ разбору, а только тѣхъ,*

¹⁾ Бароніи, а. 690-й. ²⁾ Храмъ всеобщаго баснословія. 1785 г. ч. 3. стр. 20-я и слѣдующія.

которые уплачивали ему нѣсколько мелкихъ монетъ, положенныхъ родными, родственниками или знакомыми во гробъ умершихъ. Тѣ же, которые не имѣли возможности заплатить Харону за перевозъ, отходили печальные и должны были странствовать цѣлые сто лѣтъ по свѣту, чтобы по прошествіи этого времени опять явиться при рѣкѣ къ Харону. Можно думать, что языческій обычай класть деньги въ гробъ, чтобы покойники имѣли чѣмъ заплатить за перевозъ Харону, перешелъ къ христіанамъ и еще сохраняется, хотя изрѣдка, между простымъ народомъ, не имѣющимъ *точного* понятія о душѣ человѣческой, о загробной жизни души по смерти, о всеобщемъ судѣ, и о мученіи грѣшныхъ и блаженствѣ праведныхъ. Равнымъ образомъ и обычай класть во гробъ умершаго какую-либо любимую покойникомъ вещь вытекаетъ изъ того же начала.—У древнихъ египтянъ и грековъ было суевѣрное мнѣніе, что души, явившіяся при рѣкѣ къ Харону и не заплатившія ему за перевозъ, должны отойти назадъ и *сто лѣтъ* скитаться по свѣту. Конечно, въ это время, скитающіяся души должны испытывать томленіе, скуку и досаду. А потому у египтянъ и грековъ, при погребеніи умершихъ, брасали въ яму, — жепцинѣ рукодѣліе, мужчинѣ инструментъ какой-нибудь и сему надобныя вещи, для развлеченія умершаго на случай скуки. Воззрѣніе христіанское на загробную жизнь ничего не имѣетъ похотѣлаго на вѣрованіи языческія, но и у насъ для изображенія состоянія грѣшниковъ по смерти употребляются часто слова: мука, тоска, томленіе и т. под. Эти слова, совершенно необходимыя для выраженія приблизительнаго понятія о томъ безотрадномъ положеніи, которое постигаетъ грѣшниковъ по смерти, могутъ поддерживать у нашихъ простолюдиновъ суевѣрное желаніе доставить своимъ покойникамъ возможность сколько нибудь облегчать и услаждать такое состояніе. Будетъ, думаетъ простолюдинъ, на томъ

свѣтъ тоска и скука. Значить нужно положить покойничку въ его гробъ такую вещь, которая пригодилась бы ему отъ скуки на томъ свѣтѣ, которую на семъ свѣтѣ онъ любилъ, и съ которою онъ проводилъ время не только безъ скуки, но даже въ радости и съ веселіемъ. И потому кладеть умершему инструментъ, табакерку и т. под. вещи, съ которыми онъ весело проводилъ время на землѣ. Изъ сказаннаго само собою понятно, что обычай о которомъ мы только что говорили, необходимо уничтожать, какъ обычай суетвѣрный и христіанамъ неприличный и пагубный.

Приходскій священникъ сдѣлаеть доброе дѣло, если для искорененія въ народѣ суетвѣрнаго обычая, о которомъ мы говоримъ, какъ можно чаще будетъ внушать прихожанамъ правильныя понятія о душѣ и загробной жизни, сообщая эти понятія въ простой, доступной народу, формѣ представленія и выраженія. Ему слѣдуетъ говорить напримѣръ, что душа наша не похожа на тѣло: она не имѣеть ни кожи, ни мяса, ни костей, ни крови, ни рукъ, ни ногъ, ни другихъ тѣлесныхъ членовъ. Такъ какъ душа не тѣло, то она не ѣстъ, не пьетъ, не пашеть земли и не занимается ремесломъ. Все это она дѣлаеть, пока живетъ въ тѣлѣ, при помощи тѣлесныхъ членовъ. А когда тѣло умираетъ, душа остается духовнымъ, невидимымъ существомъ, какъ ангелы Божіи. Умершее тѣло гниетъ въ землѣ и истлѣваетъ до дня всеобщаго воскресенія, когда оно, по силѣ всемогущества Божія, оживетъ для соединенія съ душою. Но душа и тогда, какъ тѣло сгниетъ и истлѣетъ въ землѣ, не умираетъ, а живетъ за гробомъ жизнью совсѣмъ отличною отъ земной, безъ пищи и питія, безъ супружества и рожденія, безъ домовъ, полей и лѣсовъ, безъ сна и ходенія и безъ всякихъ земныхъ занятій. Стало быть часо вѣку вовсе не нужны по смерти никакія земныя вещи. Итакъ гораздо лучше будетъ, если мы, вмѣсто того, что-

бы власть съ покойникомъ не нужны ему вещи, станемъ возносить молитвы бѣ Богу о прощеніи согрѣшеній его, творить о немъ поминovenія и подавать нищимъ милостыню ради спасенія души его. Вотъ это полезно и необходимо всякому покойнику во время его скуки и скорби по смерти. Таковыми и подобными наставленіями священники, при помощи Божіей, могутъ съ теченіемъ времени совершенно уничтожить суевѣрный, руководящійся языческимъ воззрѣніемъ и противный ученію святой православной Церкви, обычай—класть во гробы умершихъ разныя вещи и особенно деньги.

П. П.